

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАСЕЛЕНІИ АМУРА

въ 1857—1858 гг.

I.

23-го апрѣля 1857 года, послѣ тягостной дороги въ 5,100 верстъ, то въ саняхъ, то въ перекладной телѣгѣ, то даже пѣшкомъ, во избѣжаніе разрушительныхъ толчковъ отъ удара колесъ по мерзлomu, ледяному черепу, я наконецъ добрался до Иркутска. День былъ табельный—имянины покойной императрицы Александры Федоровны, и потому я думалъ-было сначала не являться властямъ; но, чтобы не скучать, надѣлъ мундиръ и въ то же утро представился ближайшимъ своимъ начальникамъ по штабу. Ничего не откладывая, т. е. въ тотъ же табельный день, мнѣ поручили поспѣшить составленіемъ карты Маньчжуріи и восточной Монголіи, въ масштабѣ 50-ти верстъ въ дюймѣ, и при этомъ требовали, что бы карта была готова въ двухъ экземплярахъ не далѣе, какъ черезъ три недѣли, въ предполагавшемся отъѣздѣ генераль-губернатора Н. Н. Муравьева на Амуръ и посланника гр. Е. В. Путятина въ Китай. Работа была не легкая, требовавшая занятій отъ 12-ти до 14-ти часовъ въ сутки и совершенно неисполнимая, если бы въ Иркутскѣ не было парціи отличныхъ топографовъ, обязанныхъ своимъ техническимъ образованіемъ А. И. Заборинскому и Г. И. Щечилину. Мы, въ числѣ девяти человекъ, присѣли и дѣло сдѣлали. Я составилъ сѣть, разставилъ астрономическіе пункты, начертилъ главныя контуры; топографы перечерчивали ихъ на-бѣло, вносили мелочи, отмывали восточной горы съ данныхъ оригиналовъ и дѣлали подписи, придерживаясь сдѣланной мной транскрипціи французскихъ подписей Дюгальда. Любопытно, что въ Иркутскѣ въ это время не было ни одного синолога, которому бы можно было поручить испра-

вленіе орографіи этихъ подписей, нѣсколько испорченныхъ на французскомъ языкѣ. Что было можно, мы поправили сами, на основаніи сочиненій Гакинфа, хотя знали, что и его транскрипція оспаривалась нѣкоторыми европейскими ориенталистами.

Въ началѣ мая вернулся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьевъ, бывшій до того времени въ Кяхтѣ для устройства отъѣзда графа Путятина въ Китай. Предполагалось, что посольство поѣдетъ въ Пекинъ черезъ Монголію и, въ то время какъ генераль-губернаторъ лично займется фактическимъ занятіемъ Амура, устроить дипломатическое его присоединеніе. Но въ Иркутскѣ успѣху послѣдней миссіи не вѣрили. Китайцы, еще не проученные тогда англичанами и французами, относились въ европейскимъ посольствамъ недобѣрчиво и съ надменностью. Графу Путятину было трудно добиться переѣзда черезъ Монголію на такихъ условіяхъ, которыя бы соотвѣтствовали его сану и обеспечивали ему блестящій приемъ и успѣхъ самаго дѣла въ Пекинѣ. При возвращеніи Н. Н. Муравьева въ Иркутскъ, мы узнали, что посольство вовсе долженъ былъ отказаться отъ сухопутной поѣздки въ столицу Средняго царства, потому что китайское правительство хотѣло относиться къ нему почти такъ же, какъ, въ 1805 году, къ графу Головкину. Послѣдній же, едва доѣхавъ до Урги, былъ такъ утомленъ назойливою подозрительностью и надменностью китайцевъ, что счелъ необходимымъ вернуться въ Россію.

Въ Иркутскѣ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, неуспѣхомъ путятинскаго посольства были довольны. Тамашнее общество, все почти составленное изъ лицъ такъ или иначе принимавшихъ участіе въ дѣлѣ фактическаго присоединенія Амура, не скрывало, что порученіе, полученное гр. Путятинымъ, заключить съ Китаемъ формальный договоръ, который бы увѣнчивалъ великое предпріятіе, отчасти имъ же дискредитируемое, было какъ бы обидно для мѣстныхъ дѣятелей, вложившихъ въ него всю свою душу, понесшихъ множество трудовъ и лишеній и выдержавшихъ за Амуръ борьбу въ Петербургѣ, едва ли не болѣе тяжелой, чѣмъ самая борьба съ дикою природою амурской страны. Извѣстіе о разстройствѣ путешествія посла черезъ Монголію вернуло всѣмъ хорошее расположеніе духа; каждый думалъ: ну, теперь мы сами славно окончимъ то, что такъ славно нами же начато, вопреки дипломатамъ въ родѣ графа Нессельроде, бывшаго,

въ 1854 г., при рѣшеніи амурскаго вопроса въ принципѣ, — министромъ иностранныхъ дѣлъ и, во главѣ значительной партіи сановниковъ, противившагося воссоединенію Амура.

Когда 5-го мая, вмѣстѣ съ многими другими лицами, я представлялся вернувшемуся въ Иркутскъ Н. Н. Муравьеву, онъ спросилъ меня: чѣмъ вы занимаетесь теперь?—Я отвѣчалъ, что «составленіемъ карты Маньчжуріи для васъ и для графа Путятина».

— Карты Маньчжуріи! Ну, такъ вотъ вы со мною и поѣдете въ Маньчжурію черезъ десять дней. Надѣюсь, что въ тому времени вы успѣете кончить эту работу.

— Буду стараться; только, можетъ быть, она не будетъ довольно подробна, потому что нанесеніе подробностей требуетъ много времени.

— Ну, это ничего. Такъ вы готовьтесь къ отъѣзду.

Лучшаго поощренія къ работѣ нельзя было бы сдѣлать. Мечта моя быть на Амурѣ, составлявшемъ въ то время великій вопросъ дня, сбывалась. Я не выходилъ почти изъ чертежной во все остальное время до отъѣзда. Карта была готова, и первый экземпляръ ея генераль-губернаторъ приказалъ отправить къ послу. Моя «исполнительность» понравилась.... однако, не всѣмъ. Ближайшій мой начальникъ, г. Б., второму самому хотѣлось быть въ свитѣ генерала, и даже за старшаго, выказывая мнѣ любезность, какъ будущему правителю генераль-губернаторской канцеляріи на цѣлые 3—4 мѣсяца, не упускалъ уже и тогда вставлять мнѣ по временамъ шпильки, позволяя себѣ, напримѣръ, съ фамильярностью, вовсе не оправдываемою нашимъ недавнимъ знакомствомъ, называть меня иронически «начальникомъ штаба, статсъ-секретаремъ» и т. п., и тутъ же добавляя, что оставившій не задолго предъ тѣмъ Иркутскъ генеральнаго штаба полковникъ Заборинскій былъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, т. е. «сначала полѣзъ въ гору, обходя старшихъ, но, наконецъ, свихнулъ себѣ шею»... Этого рода интриги, въ сожалѣнію, были въ большомъ ходу, и я не сталъ бы здѣсь упоминать о данномъ личномъ случаѣ, если бы онъ не былъ однимъ изъ множества, часто въ корни подрывавшихъ энергію людей молодыхъ, желавшихъ служить не лицамъ, а дѣлу, и не имѣвшихъ притомъ большихъ протекцій... Разумѣется, никто, не только въ штабѣ, но и въ главномъ гражданскомъ управленіи Восточной Сибири, не смѣлъ

пикнуть противу моего назначенія, потому что гласно сказанное слово Н. Н. Муравьева было закономъ; но многимъ мнѣ пришлось потомъ за сдѣланное мнѣ отличіе поплатиться.

18-го мая мы переѣхали Байкаль. Погода была великолѣпная, и содержатель парохода, Безносиковъ, принялъ всѣ мѣры, чтобы путешествіе наше по озеру обратить въ самую пріятную прогулку. Здѣсь впервые я увидѣлъ, какъ генераль-губернаторъ популяренъ въ странѣ. Пассажиры на пароходѣ нисколько не стѣснялись его присутствіемъ: со многими онъ любезно разговаривалъ, и ни одинъ при этомъ не держался на вытяжкѣ, не унижался до лести или до какихъ либо изысканныхъ и двусмысленныхъ оборотовъ рѣчи, на которыя у насъ столько мастеровъ, особенно когда можно, подъ прикрытіемъ двусмысленной рѣчи, сдѣлать доносъ, пустить вѣягу и т. п. Впрочемъ, такіе подходы были и неудобны съ Николаемъ Николаевичемъ. Онъ немедленно потребовалъ бы перевести ихъ на обыкновенный языкъ. За то его честные собесѣдники были всегда имъ очарованы. На пароходѣ между другими находился старичокъ, одѣтый въ ваточный, суконный сюртукъ съ поношенною мѣховою оторочкою, въ высокіе сапоги, въ которые были опущены панталоны, и въ теплый плюшевой картузь съ ушами. Я принялъ его сначала за какого нибудь купческаго приващика низшаго разряда. Но вотъ, генераль-губернаторъ, увидѣвъ его, громко сказалъ: «здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!» и дружески пожалъ ему руку, а потомъ вступилъ въ разговоръ, при которомъ вроткая фізіономія старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали. «Кто это такой?» спросилъ я одного изъ спутниковъ.—«А Горбачевскій, одинъ изъ «перворазрядныхъ» декабристовъ. Онъ былъ въ Иркутскѣ, а теперь ѣдетъ къ себѣ въ Петровскій заводъ, откуда не пожелалъ возвращаться въ Россію по силѣ амнистіи». Въ послѣдствіи я имѣлъ случай нѣсколько ближе узнать И. И. Горбачевского, встрѣтись съ нимъ у начальника Петровскаго завода, капитана Дубровина. Это была чудная, свѣтлая личность, высокой нравственной мощи, не смотря на тихій характеръ. Въ его присутствіи люди не смѣли лгать, хотя онъ даже не выражалъ словами неодобреніе лжецу. И мнѣ говорили, что то же чародѣйное вліяніе производили нѣкоторые другіе изъ декабристовъ, даже не въ Сибири, гдѣ ихъ долго

знали и имъ поклонялись, а въ Москвѣ, въ Черниговѣ, кажется, даже въ самомъ Петербургѣ.

Здѣсь встаетъ вспомнить слѣдующій рассказъ о декабристахъ, слышанный мною потомъ отъ самого Николая Николаевича и имѣющій право на мѣсто въ исторіи. Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ въ Восточную Сибирь въ 1848 году, стало быть, въ самый разгаръ реакціи противу всего либеральнаго. Тотчасъ по приѣздѣ въ Иркутскъ, онъ обратилъ вниманіе на судьбу политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ многіе отбыли уже сроки наказанія и проживали по городамъ и селамъ Иркутской и Енисейской губерній и Забайкалья—въ званіи поселщиковъ. Возстановленіе ихъ гражданскихъ правъ было подвинуто; но они все-таки не могли оставлять мѣсть жительства. Это тяжелое лишеніе новый генераль-губернаторъ захотѣлъ вознаградить возвышеніемъ общественнаго положенія ссыльныхъ; онъ открылъ имъ двери своего дома и посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ лично. Это до такой степени скандализировало подъяческую среду въ Иркутскѣ, что мѣстный губернаторъ, Пятницкій, послалъ въ министру внутреннихъ дѣлъ доносъ, при чемъ, конечно, думалъ, что «вотъ, молю, новый генераль-губернаторъ,—который тѣмъ временемъ успѣлъ уже очень не по-шерсти погладить иркутскихъ взяточниковъ-чиновниковъ¹⁾»,—слоमितъ себѣ рога».—Но что-же случилось? Мѣсяца черезъ два послѣ доноса получена Пятницкимъ бумага, адресованная къ нему уже не какъ къ губернатору, а какъ къ частному лицу. «Государь Императоръ,—писалъ министръ вн. дѣлъ Л. А. Перовскій,—по докладѣ его величеству содержанія рапорта вашего о дѣйствіяхъ, по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ, непосредственнаго начальника вашего, генераль-губернатора Восточной Сибири, высочайше повелѣтъ соизвоилъ: уволить васъ вовсе отъ службы». А про дѣйствія Н. Н. Муравьева покойный императоръ отозвался одному изъ своихъ приближенныхъ: «Вотъ, наконецъ, нашелся человѣкъ, который понялъ меня, понялъ, что я не ищу личной мести этимъ людямъ, а исполняю только государственную необходимость и, удаливъ преступниковъ отсюда, вовсе не хочу отравлять ихъ участь тамъ».

¹⁾ Одному изъ совѣтниковъ главнаго управленія Н. Н.—чл., на первыхъ же порахъ, бросилъ въ лицо его докладъ, направленный, по корыстнымъ расчетамъ, въ неправую сторону, и приказалъ „убираться вонъ“.

Поздно вечеромъ мы переѣхали, по разливу Селенги, въ деревню Степную и оттуда понеслись на почтовыхъ въ Верхнеудинскъ, гдѣ пробыли часа четыре въ домѣ любимца генералъ-губернатора, купца Курбатова, владѣльца чуть ли не единственныхъ въ то время въ Забайкальѣ стекляннаго завода и мельницы-кручатки. Число насъ было невелико: Н. Н-чъ, я и переводчикъ маньчжурскаго языка, тогда еще очень молодой человекъ, Я. П. Шимшаревъ, въ послѣдствіи нашъ консулъ въ Ургѣ. Это было все «путевое управленіе» Восточной Сибири и будущаго Амурскаго края, т. е. странъ, въ совокупности превосходящихъ по величинѣ всю Европу. Н. Н. Муравьевъ былъ врагъ канцелярскаго многописанія, за которымъ, какъ онъ хорошо зналъ, обыкновенно скрывается или недобросовѣстность или бездѣятельность. За все время моего состоянія при немъ въ должности какъ-бы управляющаго канцеляріею, мною было написано всего 102 бумаги, считая даже тутъ приказы по войскамъ и неномерованную переписку съ нѣкоторыми лицами въ Иркутскѣ и Петербургѣ. Когда я потомъ былъ въ Ставрополѣ и увидѣлъ, что тамошній штабъ, руководившій ходомъ завоеванія Закубанья, выпускаетъ въ годъ болѣе двадцати тысячъ бумагъ, тогда не осталось во мнѣ сомнѣнія, что, дѣйствительно, чѣмъ болѣе чиновники пишутъ, тѣмъ болѣе зла для государства и для самаго дѣла, въ которому бумаги относятся.

Послѣ недолгой остановки у Курбатова, во время которой генералъ-губернатора посѣтилъ архимандритъ Петръ, знавшій китайскій языкъ и одно время предполагавшійся въ переводчики, кажется, для посла, мы отправились далѣе. По прежнему, въ одномъ тарантасѣ ѣхалъ Н. Н-чъ со мною, а въ другомъ, нагруженномъ провизіею на все время нашего пребыванія на Амурѣ, Шимшаревъ. Мы скакали день и ночь и дѣлали около 300 верстъ въ сутки, благодаря состоянію дорогъ въ Забайкальѣ, тогда гораздо болѣе удовлетворительному, чѣмъ, напр., въ 1868 году, когда я видѣлъ ихъ снова. Для ускоренія переѣзда мы даже не обѣдали между Верхнеудинскомъ и Читкою (428 вер.), а только пили чай и закусывали, по сибирски, жареными рябчиками. Когда подавался самоваръ, то камердинеръ генералъ-губернатора, приготавливавшій чай, долженъ былъ одновременно со ставянами для насъ троихъ наливать и для себя съ поваромъ, чтобы церемонія чаепитія

этихъ двухъ почтенныхъ особъ «послѣ господь» не отнимала времени. И замѣчу, что то же правило соблюдалось Н. Н. Муравьевымъ постоянно въ его путешествіяхъ, а ихъ было не мало. По приближительному соображенію, за время своего генераль-губернаторства въ Сибири, онъ извѣздилъ, по дѣламъ службы, 120,000 верстъ, т. е. какъ бы сдѣлалъ $3\frac{1}{2}$ путешествія вокругъ свѣта, въ томъ числѣ многія сотни верстъ верхомъ на трактѣ между Якутскомъ и Аянкомъ и многія тысячи на лодкахъ по Амуру. Нѣкоторые изъ его ближайшихъ сотрудниковъ, особенно адъютантовъ, дѣлали развѣзды въ суммѣ еще болѣе длинныя, какъ, напримѣръ, М. С. Корсаковъ, надъ которымъ смѣялись, что онъ свое атаманство въ Забайкальѣ не выслужилъ, а вывѣздилъ. Въ Петербургѣ критиковали эту курьероманію; но, по всей справедливости, она была необходима, даже неизбежна. Разстоянія въ Сибири огромны, передача распоряженій по почтѣ медленна, потому что почта во многія мѣста ходила разъ въ недѣлю или въ мѣсяць, или даже въ полгода, телеграфовъ же, которые въ это время плотною сѣтью растягивались уже по всей Европѣ, не было на востокѣ не только отъ Урала, но и отъ самой Москвы.

Мы пріѣхали въ Читѣ около полудня и остановились въ домѣ губернатора, котораго, впрочемъ, не было на-лицо. Узнавъ, что посланникъ со всею свитою тоже въ Читѣ, Н. Н.-чъ попросилъ меня сходить къ нему и пригласить на обѣдъ. Я исполнилъ эту миссію и получилъ согласіе графа, хотя у него у самого столъ былъ накрытъ и онъ сначала отвѣчалъ мнѣ убѣдительнымъ контръ-приглашеніемъ. Вѣроятно, отправляя меня къ графу Путятину, Н. Н. Муравьевъ не зналъ, что въ домѣ М. С. Корсакова обѣда для насъ не готовили, и потому вышла презабавная исторія. Нашему походному повару пришлось въ попыткахъ готовить походный обѣдъ изъ консервовъ и подавать его чуть ли не на походномъ жестяномъ сервизѣ. Посоль съ аккуратностью дипломата пришелъ въ назначенный часъ, мы сѣли за столъ, и—о ужасъ! съ перваго же раза увидѣли, что походныя блюда далеки отъ идеала кулинарнаго искусства. Супъ съ перцемъ, не довольно разведенный водою, до такой степени жегъ внутренность рта, что я лишь изъ приличія съѣлъ его три ложки, причемъ потерялъ чувство вкуса слишкомъ на сутки. Адмираль-посланникъ оказался выносливѣе, быть можетъ, потому, что моряки привы-

каютъ въ разнымъ крѣпкимъ приправамъ, необходимымъ имъ отъ цынгъ, но я думаю, что и онъ нашелъ нашъ обѣдъ нѣсколько спартанскимъ... По счастью, онъ на третьемъ блюдѣ окончился...

Я нарочно рассказалъ этотъ пустой случай, потому что были люди, которые имъ воспользовались для цѣлей... вѣроятно—высшей политики. Перечный обѣдъ сталъ легендою и комментариемъ отношеній между двумя «дворами» — генераль-губернаторскимъ и посланническимъ. Я зналъ потомъ лично большую часть посланнической свиты; это все были прекрасные люди: архимандритъ Аввакумъ, баронъ Ѡ. Р. Остенъ-Сакенъ, А. М. Пещуровъ, и пр.; но въ то время мы были въ дипломатической войнѣ, при которой молчаливо подразумѣвалось, что компромиссъ невозможенъ. На мою долю иногда выпадала пренеблагодарная роль исполнять роль жиры, которымъ смазываютъ зубчатые колеса, чтобы машина шла успѣшнѣе, не скрипѣла, и я откровенно сознаюсь, что не умѣлъ ея выполнить. Самыя, по видимому, невинныя обстоятельства, напримѣръ, посылка, въ Горбицѣ, на посланническіе катера большой рыбы, только что пойманной въ Шилкѣ, перетолковывались веривъ и вкось... Я начиналъ понимать тогда, что значить воевать за присоединеніе Амура не противу китайцевъ, а противъ своихъ.

Но оставимъ эту печальную сторону великаго дѣла. *Ergo humanum est*, и притомъ перечныя отношенія между отдѣльными лицами не помѣшали успѣху общаго имъ патріотическаго дѣла... На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Читу, графъ Е. В. Путятинъ отправился съ утра внизъ по Ингодѣ на лодкахъ, а мы, послѣ обѣда, на этотъ разъ изъ свѣжихъ запасовъ, выѣхали по прежнему на почтовыхъ. За Читю уже становились замѣтны приготовленія къ экспедиціи на Амуръ. По Ингодѣ сплавлялись плоты, мелкія лодки и баржи; иногда приходилось слышать, что изъ такой-то деревни идетъ на переселеніе столько-то дворовъ; въ другомъ мѣстѣ толковали о сплавѣ внизъ по Шилкѣ и Амуру цѣлыхъ домовъ, чтобы имѣть возможно скорѣе въ новомъ краю готовыя помѣщенія; по дорогѣ тонулись небольшіе обозы съ товарами и кладью, то же назначенными на Амуръ. Въ одномъ мѣстѣ генераль-губернаторъ пожелалъ захватить къ знакомому казаку, уже бывшему на Амурѣ; вся семья встрѣтила насъ у входа

въ домъ, почтительно, но безъ униженія, кланаясь ¹⁾). Былъ приготовленъ самими хозяевами (простыми казаками, а не офицерами) чай съ разными сибирскими снадобьями, не казистыми, но очень вкусными. Н. Н. Муравьевъ разспрашивалъ о толкахъ, которые шли въ народѣ относительно переселенія на Амуръ, и не трудно было замѣтить, что, не смотря на тягость этого переселенія, оно популярно между казаками, особенно хвалившими равнины близъ Буреи, которая казалась имъ раемъ въ сравненіи съ Даурскимъ нагорьемъ. Когда маленькая хозяйская дочь, ребенокъ лѣтъ трехъ, получила отъ генераль-губернатора «за угощеніе» цѣлую пригоршню гривенниковъ и пятиалтынныхъ, совершенно новенькихъ, то счастію семьи, по видимому, не было конца. Въ краѣ, управляемомъ единолично сильною властью, подобныя посѣщенія простолюдиновъ носителемъ этой власти, мнѣ кажется, имѣютъ большой *raison d'être* и приносятъ существенную пользу.

Въ тотъ же день и даже вскорѣ послѣ этого, нѣсколько идиллическаго, эпизода, мнѣ пришлось быть впервые свидѣтелемъ и небольшой административной грозы. При перемѣнѣ лошадей въ Нерчинскѣ, генераль-губернаторъ замѣтилъ, что кабы онѣ, такъ и сбруя очень плохи. Онъ приказалъ поэтому посадить почтосодержателя на гауптвахту... Конечно, послѣдній по наружности былъ неправъ; отъ него, по контракту съ почтовымъ начальствомъ, требовались лошади, хомуты, шлеи, возжи и пр. исправные; но кабы-то самъ собою представлялся вопросъ: отчего же именно въ городѣ, т. е. въ мѣстѣ, гдѣ живутъ почтовые власти, станція хуже, чѣмъ по сосѣднимъ селеніямъ? Не была ли причиною исхуданія лошадей и сбруи именно эта близость начальствъ, слишкомъ внимательныхъ къ доходамъ мѣстнаго кліента? Вся Восточная Сибирь знала, что именно по этой причинѣ существовали постоянные беспорядки на почтовой станціи въ другомъ уѣздномъ городѣ, Ачинскѣ, гдѣ станціонная жалобная книга была исписана отъ начала до конца жалобами, оставшимися обыкновенно, по приговору почтмейстера, безъ всякихъ послѣдствій. Относительно Нерчинска я въ послѣдствіи узналъ то

¹⁾ Сколько помнится, служащій членъ этой семьи вышелъ въ мундиръ; но что касается до стариковъ, то они были по-просту въ халатахъ, столь любезныхъ сердцу забайкальца и вообще сибиряка. М. В.

же самое, и потому арестованіе какого-то безотвѣтнаго мѣщанина мнѣ показалось совершенно административнымъ, т. е. вовсе не юридическимъ... Впрочемъ, и корыстолюбіе почтмейстера не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ генераль-губернатору, при томъ по очень оригинальному поводу. Нерчинская контора была въ это время крайнею въ сторонѣ Амура, гдѣ принимались посылки, привозимыя, напримѣръ, изъ Николаевска, который въ то время считался за *porto-franco*. Пользуясь этимъ, догадливый чиновникъ сталъ требовать, напримѣръ, отъ отправителей манильскихъ сигаръ, чтобы они въ Нерчинскѣ на почтѣ уплачивали ввозныя пошлины, по какому-то имъ самимъ установленному тарифу. Одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ узналъ объ этомъ отъ самого отправителя сигаръ и доложилъ. «Что же мнѣ дѣлать съ нимъ?»—отвѣчалъ Н. Н-чъ. Вы знаете, что почтовое вѣдомство у насъ *status in statu*. Я не имѣю никакой власти остановить какое либо зло, дѣлаемое почтовымъ чиновникомъ въ его конторѣ. Мало того: я самъ дѣлаю въ Иркутскѣ визиты губернскому почтмейстеру собственно для того, чтобы онъ моихъ писемъ не перечитывалъ и не задерживалъ». Признаніе знаменательное и которое хотя отчасти объяснило мнѣ, почему за беспорядки на нерчинской станціи былъ арестованъ не почтмейстеръ, а почтосодержатель!

Въ Бянкинѣ, слѣдующей станціи за Нерчинскомъ, мы сѣли на катера и лодки, нарочно для насъ приготовленные, и начали такимъ образомъ наше путешествіе водою, которое должно было длиться нѣсколько дней. Но, впрочемъ, не Бянкино и не слѣдующій за нимъ Стрѣтенскъ, на Шилкѣ же, служили мѣстомъ отправления экспедиціи. Шилка тутъ хотя и имѣетъ уже много воды, но не довольно удобна для судоходства по причинѣ быстринъ и перекатовъ. Только очень небольшія, плоскодонныя суда могутъ плавать по ней, особенно въ малую воду. Вотъ почему уже съ 1854 года точкою отправления амурскихъ сплавовъ служилъ Шилкинскій заводъ, верстахъ въ 80-ти ниже Стрѣтенска. Туда, наконецъ, мы и прибыли, чтобы дать послѣдній толчокъ предложенному на этотъ годъ дѣлу. Въ заводѣ—длинномъ селеніи, въ которомъ собственно горнозаводская дѣятельность уже не существовала,—устроена была верфь для судовъ, составлялись и нагружались плоты, строились баржи и даже, въ 1854 г., были

выстроены два парохода, Аргунь и Шилва. Подготовленіемъ всей экспедиціи 1857 года занимался лично военный губернаторъ Забайкаля, М. С. Корсаковъ, а начальникомъ сплавовъ или эшелоновъ были назначены: военнаго, слѣдовавшаго впереди, командиръ одного изъ двухъ баталіоновъ, составлявшихъ весь экспедиціонный отрядъ, а гражданскаго, слѣдовавшаго сзади и составленнаго изъ разнаго рода казенныхъ грузовъ—полковникъ Ушаковъ, почтенная личность, честная, но нѣсколько слабая, такъ что, благодаря ему, въ ходѣ экспедиціи обнаружались потому нѣкоторыя замедленія.

Здѣсь у мѣста вспомнить, какъ вообще снаряжались и производились амурскія экспедиціи. Что это не были нашествія русскихъ войскъ съ цѣлью кого либо разгромить или покорить оружіемъ, какъ на Кавказѣ или потомъ въ Туркестанѣ,—это болѣе или менѣе извѣстно каждому. Присоединеніе Амура не стоило Россіи ни капли крови, ни одного выпущеннаго патрона. Войска брались на всякій случай, какъ угроза китайцамъ, а, главное, какъ рабочая сила для водворенія русскихъ осѣдлостей. Въ 1854—1855 годахъ они, правда, отправлялись на низовья Амура для защиты этой мѣстности отъ англо-французовъ; но, по заключеніи въ 1856 г. мира, значительная часть этихъ боевыхъ слугъ была возвращена. Теперь, т. е. въ 1857 г., рѣчь шла о солдатахъ, почти лишь какъ о строителяхъ разныхъ казенныхъ зданій, предположенныхъ къ возведенію вдоль Амура, да еще какъ о помощникахъ колонистамъ въ сплавѣ имущества и возведеніи домовъ. Баталіоны должны были сплыть изъ Шилкинскаго завода на устья Зеи и, смотря по ходу отношеній нашихъ къ китайцамъ, болѣе или менѣе немедленно приступить къ постройкѣ жилищъ, какъ на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ предположенной колонизаціи, такъ и вверхъ и внизъ отъ него по Амуру. На зиму 1857—1858 годовъ предполагалось оставить только одинъ изъ этихъ баталіоновъ на берегахъ великой рѣки, а другой вернуть въ Шилкинскій заводъ, какъ рабочую силу и прикрытіе для экспедиціи слѣдующаго года.

Разумѣется, что, отправляя солдатъ въ далекій и пустынный край, слѣдовало больше всего заботиться, чтобы они были хорошо обеспечены продовольствіемъ на возможно долгій срокъ, снабжены средствами для возведенія жилищъ, устройства для себя ого-

родовъ, поддержанія въ порядкѣ одежды и т. п. Всѣ нужные для того предметы, вмѣстѣ съ порохомъ и оружіемъ, и составляли военный сплавъ. Такъ какъ число гребцовъ въ немъ всегда было значительно, то онъ въ состояніи былъ плыть скоро и прибыть, напримѣръ, изъ Шилкинскаго завода на Зею (1,000 верстъ) дней въ десять. Солдаты и офицеры 13-го и 14-го сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ были уже опыты въ дѣлѣ амурскихъ экспедицій, и потому опозданія этого военного эшелона опасаться было нечего.

Гораздо болѣе заботъ внушала сплавъ грузовой. Огромное количество муки, крупъ, соли, спирта, солонины, живаго скота, полотенъ, суконъ, кожъ, разныхъ инструментовъ и пр. для войскъ, находившихся на низовьяхъ Амура, и для крестьянъ, тамъ недавно поселившихся, занимало множество баржъ и плотовъ, для управленія которыми рабочихъ найти было не легко. Правда, доставка этого груза была отдана съ подряда одному купцу, но при неизбѣжномъ, по существу дѣла, содѣйствіи военной администраціи и подъ надзоромъ ея. Коммерческая отвѣтственность есть, какъ извѣстно, имущественная, т. е. опредѣляется болѣею или меньшею неустойкою за неисправность исполненія подряда. Но что пользы было бы взять съ неисправнаго доставителя грузовъ въ Ниволаевскъ нѣсколько тысячъ рублей, когда отъ его неаккуратности перемерло бы много людей голодною смертію или безвозвратно пострадали бы многіе важные интересы государства? Поправить зла въ томъ же году было бы уже нельзя, потому что вѣдь не на Усури же или Гыринѣ нашли бы нужные запасы, суда и рабочихъ для сформированія новаго сплава, а думать о новомъ рейсѣ изъ Забайкалья было бы нелѣпо. Кроме того, тяжкіе опыты прежнихъ годовъ показали, что на нижнемъ Амурѣ, т. е. ниже Сунгари, бывають такія бури, которымъ противостоять не всегда могутъ даже хорошо устроенныя суда; а тутъ приходилось часть грузовъ сплавлять на плотахъ: слѣдовательно, нужно было имѣть за сплавомъ строгій надзоръ и помощь въ видѣ запасныхъ рабочихъ—солдатъ.

Наконецъ, въ 1857 году къ названному двумъ элементамъ всякой амурской экспедиціи присоединился въ значительномъ количествѣ третій, именно переселенцы съ ихъ имуществомъ. Отправлялись изъ состава забайкальскаго войска 450 семействъ,

долженствовавшихъ занять огромную линію отъ Усть-Стрѣлки до Хингана—оволо 980 верстъ. Сплавъ ихъ шелъ по Онону, Шилкѣ и Аргуни, и хотя былъ оставленъ на попеченіи собственныхъ ихъ, казачьихъ начальствъ, подъ общимъ руководствомъ бригаднаго командира Хилковскаго, но въ концѣ концовъ озачивалъ и общее начальство экспедиціи, т. е. самого генераль-губернатора. Мы увидимъ даже, что онъ причинилъ ему больше заботъ, чѣмъ какое-нибудь другое дѣло въ теченіе лѣта 1857 года. Казакамъ-переселенцамъ выданы были денежныя пособія (очень небольшія въ сравненіи, напримѣръ, съ кавказскими колонистами 1862—1864 годовъ), обезпечено на первые 14 мѣсяцевъ продовольствіе (на Кавказѣ на три года) и обѣщано содѣйствіе регулярныхъ войскъ для постройки жилищъ. Но они должны были селиться гдѣ имъ укажутъ, и въ первое лѣто обстроиться, запастись сѣномъ и даже распахать пашни....

Когда мы прибыли въ Шилкинскій заводъ, приготовленія къ началу экспедиціи были подвинуты сильно. Вдоль по рѣкѣ на большомъ протяженіи тянулись плоты, барки и лодки, долженствовавшіе поднять военный отрядъ и грузы. Многіе изъ нихъ были совершенно готовы къ отплытію; другіе, какъ къ удивленію оказалось, еще не начинали грузиться. И именно, не погрузивъ была мука, т. е. предметъ безусловной необходимости. «Отчего? гдѣ подрядчикъ?» — На этотъ зовъ явился къ генераль-губернатору повѣренный подрядчика (помнится, купца Серебрякова) М. А. Бесътужевъ, одинъ изъ сосланныхъ въ 1826 году, и объяснилъ, что интендантскіе чиновники дѣлаютъ каверзу. Въ контрактѣ сказано, что подрядчикъ обязуется на свой счетъ погрузить на барки хлѣбъ съ берега; провіантскіе чиновники хотѣли этому слову дать такой смыслъ, что изъ магазиновъ, находящихся, конечно, поморскому, на берегу, т. е. на сушѣ, а не въ водѣ, но на значительномъ разстояніи отъ рѣки; а подрядчикъ, конечно, толковалъ контрактъ по своему. Ясно было, что интендантскія выжиги хотѣли прижать подрядчика, чтобы взять съ него хоть половину той суммы, въ которую бы обошлась перевозка хлѣба за нѣсколько сотъ сажень. А сумма была бы не мала, потому что подводы въ Шилкинскомъ заводѣ въ это время стоили очень дорого. Это вывело изъ терпѣнія Н. Н. Муравьева, который, рассмотрѣвъ дѣло поближе, рѣшился дать чиновни-

камъ гонку. Гонка эта и состоялась на слѣдующее утро, немедленно послѣ представленія всѣхъ служащихъ, находившихся въ Шилкинскомъ заводѣ. Лица эти были выстроены въ небольшой генераль-губернаторской приѣмной, по старшинству чиновъ; подходя по очереди, Н. Н. Муравьевъ съ каждымъ говорилъ нѣсколько словъ, большею частію очень любезныхъ; но трехъ интендантскихъ чиновниковъ онъ миновалъ, сказавъ имъ только: «вы останетесь здѣсь, когда другіе уйдутъ», совершенно такъ, какъ, бывало, въ блаженные времена субботнихъ экзекуцій, говорилось семинаристамъ. И экзекуція послѣдовала, да такая, что я, посторонній, былъ ошеломленъ. Слова «мошенничество и воровство» не были самыми жесткими въ грозной рѣчи. Виновнымъ былъ обѣщанъ солдатскій мундиръ, полиціймейстеру завода приказано было безотлагательно и за какую бы цѣну ни было нанять рабочихъ для доставки хлѣба въ баркы изъ магазиновъ, а мнѣ приказано написать оберъ-провіантмейстеру въ Иркутскъ предписаніе, «чтобы онъ выгналъ негодяевъ изъ службы»... Замѣчательно, что чиновники выслушали діатрибу довольно спокойно; вѣроятно, они къ ней готовились, и, конечно, изъ всѣхъ генераль-губернаторскихъ распоряженій самое непріятное для нихъ было о немедленномъ наймѣ на ихъ счетъ рабочихъ. Немедленнаго удаленія со службы они не боялись, потому что замѣнить ихъ было нечѣмъ.

Послѣ поученія, даннаго интендантамъ, приготовленія къ отходу сплава оживились и, казалось, новыхъ случаевъ къ задержкѣ не было. Но, по пословицѣ, одна бѣда никогда не бываетъ, а ведетъ за собою другую. Въ тотъ же день мы узнали, что одна изъ барокъ, нагруженная порохомъ для Николаевска, слегка затонула, при чемъ порохъ, хотя и былъ въ боченкахъ, но, конечно, подмокъ. Гдѣ-нибудь въ Англіи этотъ случай былъ бы пустымъ, потому что замѣнить подмокшій порохъ было бы легко. Совсѣмъ не то въ Восточной Сибири, куда пороховые запасы доставлялись изъ Казани, гужомъ, такъ что боченки бывали въ дорогѣ по четыре мѣсяца. Мало того, въ данномъ случаѣ потеря была особенно важна, потому что вѣдь мы ѣхали, такъ или иначе, завоевывать край, и нельзя было безусловно ручаться, что не дойдетъ дѣло до пушекъ. Китайцы, правда, въ теченіе 1854—1856 годовъ, обнаруживали миролюбіе; военныхъ приготовленій

у нихъ замѣтно не было; но вѣдь на это можно было возразить, что и мы въ три прошедшіе года не отнимали у нихъ ничего, фактически имъ принадлежавшаго, а теперь, напротивъ, рѣчь шла о томъ, чтобы водвориться среди ихъ самихъ или, по крайней мѣрѣ, о-богъ съ ними. Порохъ былъ вещью важною. Но, разумѣется, съ неудачею пришлось помириться. Узнавъ, что подмочка не особенно велика, я позволилъ себѣ предложить пересушку пороха съ тѣмъ, чтобы потомъ сдать его въ горное вѣдомство для взрывовъ скалъ. Мысль моя была одобрена, но вѣдь горное вѣдомство могло заорточиться, сказать, что ему не нужно драни, или принять запасъ съ оговорками, что въ немъ лишь столько-то годнаго матеріала, а остальное подлежитъ сложенію со счетовъ, и проч. На подобныя оговорки бюрократы вообще большіе мастера, а бюрократы-хозяева въ казенныхъ дѣлахъ—особенно. Къ счастью, ничего подобнаго не случилось. Н. Н. Муравьевъ умѣлъ подбирать себѣ сотрудниковъ, у которыхъ честное отношеніе къ дѣлу было первымъ закономъ ихъ службы, а брючкотворство стояло на самомъ послѣднемъ мѣстѣ. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ былъ въ это время умный и благородный полковникъ Д е й х м а н ъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ безъ затрудненія согласился принять подмоченный порохъ въ горное вѣдомство, и такимъ образомъ казна избавилась отъ многихъ тысячъ издержекъ, а дѣло у генераль-губернатора ограничилось всего тремя бумагами: Ушакову—сдать, Дейхману—принять и въ штабъ, въ Иркутскъ—замѣнить затонувшій порохъ. Николаевскія власти должны были узнать о случаѣ отъ самого начальника сплава, а китайцевъ мы, разумѣется, не увѣдомляли совсѣмъ, ни прямо, ни косвенно.

26-го и 27-го мая экспедиція, по мѣрѣ изготовленія къ отплыту, стала трогаться въ путь. Разбросанные на большомъ пространствѣ вдоль по Шилкѣ, потянулись барки, плоты и лодки. Генераль-губернаторъ и посланникъ ѣхали на двухъ совершенно сходныхъ катерахъ съ небольшими домиками на палубѣ; свита гр. Путятина—на довольно большой баржѣ, тоже съ приспособленіями для жилья, а я и Шишмаревъ—на маленькихъ лодочкахъ-душегубкахъ, съ однимъ гребцомъ каждая. Берега Шилки, обставленные суровыми скалистыми горами, на которыхъ растеть исключительно хвойной лѣсъ, представляли зрѣлище поразитель-

ное по своему пустынному величію, особенно вечеромъ, когда въ долину рѣки темнота наступала гораздо ранѣе, чѣмъ на вершинахъ горъ. Часамъ въ пяти по полудни мы прибыли въ Горбицу, послѣдній въ то время населенный пунктъ нашъ по Шилкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ официальной границы Китая ¹⁾). Тутъ на берегу рѣки жилъ въ то время, въ порядочномъ домѣ, заурядъ войсковой старшина Скобельцинъ, который дѣлалъ въ 1851 году экспедицію въ восточную часть Становаго хребта, вмѣстѣ съ полковникомъ Ахте и топографомъ Крутиковымъ. Однажды ему, тогда простому уряднику, пришлось на могучихъ плечахъ своихъ нести больнаго начальника экспедиціи и вообще, какъ въ это время, такъ и въ послѣдствіи, на Амурѣ, явить столько мужества въ перенесеніи трудовъ и лишеній, столько настойчивости въ достиженіи цѣлей, ему указанныхъ, что генераль-губернаторъ, не имѣя возможности повести его далеко по административной дорогѣ, далъ ему чинъ заурядъ войскового старшины (на производство въ подобные чины онъ имѣлъ право) и выхлопоталъ владимірскій крестъ, дававшій въ то время права дворянства. Подобно другимъ почетнымъ казакамъ, Скобельцинъ жилъ оборотами по мѣховой торговлѣ, скупая мѣхъ у тунгузовъ и собственныхъ сослуживцевъ-охотниковъ. Въ домѣ было замѣтно довольство; но простота господствовала патріархальная. Н. Н. Муравьевъ остался у него пить чай, вспоминалъ его службу, спрашивалъ его указаній на счетъ хозяйственныхъ условій Амурскаго края и вообще оказывалъ столько вниманія, сколько могъ. Но почевать у него мы не остались, и поплыли далѣе. Ночью экспедиція была еще живописнѣе, потому что огоньки были разсѣяны по рѣкѣ тамъ и сямъ, двигались и исчезали за высту-

¹⁾ Рѣка Горбика была признава пограничною еще въ 1689 г., по нерчинскому договору; но на картѣ Китая, составленной Д'Анвилемъ, пограничная черта обозначена по Амазару. Это подавало поводъ нашимъ агрессистамъ увѣрять, что и на самомъ дѣлѣ русскія владѣнія простирались до Амазара. Но, конечно, этотъ взглядъ былъ смѣшонъ, потому что китайцы каждый годъ гѣтомъ приходили изъ Айгуна на лодкахъ въ Горбицу свидѣтельствовать пограничные знаки, и никогда, въ теченіе 168 лѣтъ, нами не было сказано имъ, что они забрались не въ свои владѣнія. Дѣлаю это замѣчаніе потому, что въ 1850-хъ годахъ не разъ дѣлались разныя натянутыя объясненія нерчинскаго договора, напримѣръ, почтеннымъ Г. И. Невельскимъ, ухитрявшимся какъ-то на основаніи этого трактата проводить нашу границу отъ Горбицы къ самой Корей.

пами береговъ; но скоро мы, т. е. два катера, суда свиты и двѣ канонерки, составлявшія флотилію, отдѣлились отъ баржей и плотовъ, далеко ихъ обогнавъ. Еще день и еще ночь въ горной пустынѣ, и рано утромъ 29-го мая 1857 г. увидали Амуръ.

Исторія открытія Америки въ повѣствованіяхъ Вашингтона Ирвинга и Прескота, рассказы Мунго-Парка о первомъ видѣ на Нигеръ — знакомы съ юности каждому образованному человѣку. Молодое поколѣніе 1840—1850-хъ годовъ, кромѣ того, зачитывалось Гумбольдтомъ, его странствованіями по Орегоно и Рио-Негро. Мудрено-ли, что тѣ изъ насъ, которые впервые увидели Амуръ, испытывали ощущеніе родственное съ тѣмъ, какое было чувствуемо, напримѣръ, Васко-Нунвесомъ-де-Бальбоа, когда онъ съ высотъ Панамскаго перешейка увидалъ впервые Тихій океанъ. Конечно, Амуръ не былъ уже новостью для насъ, какъ для спутниковъ Пояркова и Хабарова; но идея, съ нимъ соединявшаяся, была такъ же свѣжа и величава, какъ если бы мы были сами первыми открывателями. Смотря на широкій потокъ, мирно струившійся прямо къ востоку, многіе изъ насъ думали: тамъ, гдѣ-то, далеко, почти такъ же далеко, какъ отъ Москвы до Арарата, рѣка эта вливается въ море, и это море—Великій океанъ, единственный открытый путь изъ Россіи не въ Швецію, не въ Турцію, а въ Америку, Австралію и южную Азію...

Я съ намѣреніемъ освѣжаю эти воспоминанія, чтобы записать здѣсь, по поводу ихъ, и другія, которыхъ, конечно, никто не назоветъ сантиментальными. Еще въ Иркутскѣ, г. Б., мой непосредственный начальникъ, когда узналъ, что ему вообще въ теченіе лѣта 1857 года не удастся быть на Амурѣ, сталъ мнѣ въ полголоса говорить, что всѣ эти амурскія экспедиціи—фарсъ, что Амуръ—дрянная, болотистая рѣка, въ которой мѣстами всего на три фута воды, какъ-де скарать удостовѣрились въ 1855 году спутники адмирала Путятина, что всѣ амурскія затѣи рано или поздно окажутся затѣями. Я не имѣлъ тогда достаточно точныхъ свѣдѣній о природѣ Амурскаго края и хотя, прочтя статьи Пермикина и Аносова и имѣя въ рукахъ съемку Попова (глазомѣрную), не вѣрилъ Б-у, но и не полагалъ, чтобы его отзывы напоминали отзывы огорченной лисицы о виноградѣ съ придачею еще кое-чего. Теперь я понимаю, что это была ложь, даже намѣренная ложь, чтобы вызвать меня на какую-нибудь обмолвку объ

Амуръ, неприятную для генераль-губернатора и, слѣдовательно, долженствовавшую вызвать его нерасположеніе ко мнѣ... Я немедленно сдѣлалъ помощью буссоли измѣреніе ширины рѣки и переѣхалъ ее отъ одного берега до другаго съ лотомъ въ рукавъ. Оказалось, что ширина достигаетъ 226 сажень, что равно ширинѣ Нѣвы у Литейнаго моста, а глубина по фарватеру, идущему почти по срединѣ рѣки, нѣсколько ближе къ правому берегу, доходила до 27 футовъ, т. е. почти четырехъ сажень. Гдѣ же правда у тѣхъ, которые въ Петербургѣ и даже въ Иркутскѣ бросали сомнѣніе на достоинство Амура, какъ водянаго пути?

Мы простояли часа два въ Усть-Стрѣлочномъ караулѣ, расположенномъ на Аргуни, вблизи слиянія ея съ Шилкою, и генераль-губернаторъ освѣдомился о томъ, какія мѣры приняты, чтобы въ этомъ пунктѣ люди, подлежащія возвращенію съ Амура, находили нужные запасы сухарей, спирта, мяса и проч. Тутъ слѣдовало бы остаться для наблюденія за сплавомъ колонистовъ общему начальнику ихъ Хилковскому; но Николай Николаевичъ пригласилъ его сопутствовать намъ въ плаваніи внизъ по Амуру теперь же, чтобы осмотрѣть мѣста, гдѣ предназначалось водворить станицы,— и сдѣлалъ ошибку, въ которой потомъ неоднократно раскаявался. Хилковскій былъ умный, точнѣе—хитрый, казакъ, которому правилась мысль попасть на Амуръ бригаднымъ командиромъ и развить здѣсь хорошую торговлю скотомъ и мѣхами, уже веденную имъ въ Цурухайту; онъ былъ большой домоводъ, владѣлецъ конскихъ табуновъ; но административныя его дарованія оказались не особенно великими. Отказаться отъ соучастія генераль-губернатору у него не достало или соображенія, или воли. Онъ даже увѣрялъ, что караваны переселенцевъ вполнѣ готовы и плывутъ, одни по Онону, другіе по Аргуни, что все у нихъ въ изобиліи и проч. Это была неправда.

Плаваніе наше, т. е. генераль-губернатора и посланника съ ихъ свитами и двухъ канонерскихъ лодокъ съ 80 солдатами и двумя пушками, началось отъ Стрѣлки часовъ въ 10 утра, и такъ какъ Амуръ былъ удобнѣе Шилки, то мы на другой день утромъ были уже на Кутомандѣ, небольшомъ постѣ, основанномъ годъ тому назадъ и достопамятномъ въ лѣтописяхъ Амура. Здѣсь мы нашли на якорѣ пароходъ Шилку, чинившій свою машину. Пароходъ этотъ составлялъ амурскій курьезъ, и

потому о немъ стоитъ сказать два слова. Въ 1854 г., передъ первую амурскою экспедиціею, были выстроены въ Шилкинскомъ заводѣ два парохода, Аргунь и Шилка, на которые поставлены кое-какія машины. Аргунь, сравнительно, удалась и плавала нѣсколько лѣтъ по Амуру, особенно въ низовьяхъ, гдѣ теченіе тихо; но Шилка была рѣшительно неповоротливымъ чудовищемъ, про которое одно вліятельное въ морскомъ вѣдомствѣ лицо справедливо сказало, что «пароходъ Шилка ходитъ только по 200 верстѣ въ годъ, да и то по теченію». Машина его и котлы занимали чуть-ли не двѣ трети емкости корпуса, а сила первой была такъ мала, что судно рѣшительно не могло ходить противъ теченія. Надѣялись помочь горю кое-какими передѣлками, и съ этою цѣлью на Кутоманду, гдѣ пароходъ зимовалъ, съ ранней весны былъ отправленъ капитанъ-лейтенантъ Соханскій съ командою мастеровыхъ и матросовъ. Онъ-то насъ и встрѣтилъ теперь, исхудалый, утомленный трудами и лишениями, но не терявшій надежды «дать пароходу два узла ходу противу теченія на самомъ быстромъ мѣстѣ Амура». Считая въ день среднимъ числомъ 14 часовъ плаванія, это было бы 49 верстѣ въ сутки, на болѣе тихихъ мѣстахъ, можетъ быть, 60. Очевидно, игра не стоила свѣчь, и въ послѣдствіи генераль-губернаторъ приказалъ сплавить Шилку въ Николаевскъ, какъ баржу.

Я сейчасъ сказалъ, что Кутоманда достопамятна въ лѣтописяхъ Амура; объясню теперь — почему. Въ 1856 году тутъ находился складъ продовольствія для людей, по окончаніи сплава возвращавшихся съ низовьевъ Амура. Людей этихъ было много, и между ними было 600 человекъ солдатъ. М. С. Корсаковъ, за отсутствіемъ Н. Н. Муравьева на коронацію въ Москву, распорядившійся на Амурѣ, назначилъ послѣднимъ идти вверхъ по рѣкѣ бичевою, по 40 верстѣ въ день, и даже еще рубить на ночлегахъ дрова въ запасъ для пароходной навигаціи будущаго года. Это было неисполнимо, но все-таки приказано и, слѣдовательно, предполагалось подлежащимъ исполненію. И собственно, бѣды въ такомъ распоряженіи не было бы, потому что отъ небуквальнаго исполненія его никто бы не потерялъ. Но бѣда была въ томъ, что молодой атаманъ, полагаясь на непогрѣшимость своихъ соображеній, распредѣлил по Амуру и посты съ запасами по такому расчету, что солдаты должны были двигаться по 40 верстѣ въ

сутки изъ опасенія, что продовольствія, взятаго съ одного пункта, не хватить до слѣдующаго. Ближайшій отъ Кутоманды внизъ по Амуру складъ продовольствія находился на Кумарѣ, т. е. въ 350 или болѣе верстахъ. Наступилъ октябрь мѣсяцъ, когда солдаты достигли послѣдняго и получили тамъ сухарей ѣ проч. на десять дней. Приходилось идти по холоду, столь значительному, что на рѣбѣ каждой утро являлись ледяные забереги. Скоро появилась и шуга, по великорусски—сало, т. е. мелкій ледъ, предшествующій замерзанію рѣки. Двигаться не только по 40, но и по 4 версты въ день съ лодками было нельзя. Приступили къ постройкѣ саноковъ, на которыхъ бы можно было везти продовольствіе, оружіе, кладъ и больныхъ; уменьшили дневную дачу и начали подвигаться помаленьку, черезъ пеньки, камни, не совсѣмъ установившійся ледъ и проч. Солдатамъ велѣно было охотиться въ прибрежныхъ лѣсахъ; но дичь въ этихъ лѣсахъ, постоянно обезпокоиваемая охотниками-тунгузами, держится вдали отъ рѣки, и охота солдатъ была почти бесплодна. Тогда надъ законами и распоряженіями человѣческими сталъ брать верхъ законъ естественный. Люди начали умирать съ голоду; они ѣли подошвы, ранцевые ремни и т. п. Самъ начальникъ команды, подполковникъ Облеуховъ, съѣлъ собственную собачку. Усталые солдаты отказывались идти и ложились умирать; у другихъ являлась мысль питаться человѣческимъ мясомъ. И несомнѣнно, что случай подобнаго людоедства былъ. Молодой юнкеръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и солдатомъ, видя неудачливость охоты, порѣшили бросить жребій, кому быть съѣденнымъ. Выборъ судьбы палъ на юношу, и товарищи долго не рѣшались исполнить надъ нимъ казнь. Навонецъ, голодъ взялъ свое. Воспользовавшись минутами сна, они пристрѣлили несчастнаго и съѣли его—всего или только отчасти, не знаю. Въ 1857 году одинъ изъ этихъ людоедovъ находился на устьѣ Зеи, т. е. въ теперешнемъ Благовѣщенскѣ, и отбывалъ эпитемію, которая была на него наложена духовными властями. Объ уголовномъ преслѣдованіи, разумѣется, не было и рѣчи, потому что всякое слѣдствіе было бы слишкомъ невыгодно—не для солдата, а для начальниковъ.

Подполковникъ Облеуховъ зналъ, что на Кутомандѣ есть складъ запасовъ. Онъ отобралъ наиболѣе сильныхъ людей и послалъ ихъ впередъ извѣстить о несчастіи начальника поста.

Велика была радость его, когда однажды люди эти вернулись назадъ и подкрѣпили отчаявавшихся въ своемъ спасеніи извѣстіемъ, что хлѣбъ близко... Но на Кутоманду изъ 600 человекъ все-таки пришло лишь 330, а 270 остались въ холодной пустынѣ.

Вотъ этихъ-то людей могилы мы начали встрѣчать по берегамъ Амура вскорѣ послѣ отплытія изъ Кутоманды. Мѣстами, пережившіе ихъ товарищи поставили надъ ними кресты. Завидѣвъ такой крестъ, набожный графъ Е. П. Путятинъ иногда останавливался и приглашалъ своего спутника, архимандрита Аввакума, прочесть молитву. Но читать надо всеми было бы слишкомъ долго, и мы большею частію проплывали мимо ихъ не останавливаясь... Вѣчная память этимъ безвѣстнымъ страдальцамъ, жертвамъ невеликаго дѣла, а неумѣлости тѣхъ, кто брался имъ распорядиться...

Плаваніе наше продолжалось безостановочно, день и ночь. Иногда только приставали на короткое время къ берегу, чтобы передъ обѣдомъ или завтракомъ дать время стаяться всему каравану. Обѣдали и завтракали обыкновенно на катерѣ Н. Н. Муравьева, гдѣ всегда шла живая бесѣда, превращавшаяся только на короткое время ночью. А ночи въ началѣ іюня такъ недлины! Только разъ, до самаго устья Зеи, мы встрѣтили людей. Это были орочены, ловившіе рыбу особаго рода снарядами, уставляемыми среди рѣки. На вершинѣ треножника, связаннаго изъ жердей, которыя воткнуты въ дно, сидѣлъ косматый тунгузъ и зорко наблюдалъ, когда рыба попадетъ въ снасть; тогда другіе, на лодкахъ, подѣзжали и выгружали пойманное. Первые слѣды китайскихъ осѣдлостей встрѣтились на Улусѣ-модонѣ, гдѣ былъ расположенъ маньчжурскій караулъ, вѣроятно, для наблюденія за рѣкою въ этомъ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ она описываетъ замѣчательную двойную излучину, почти въ видѣ цифры 8, и гдѣ перешейки между кривыми волнами такъ узки, что каждый изъ нихъ можно миновать въ полчаса, тогда какъ по рѣкѣ приходится плыть до 30-ти верстъ.

3-го іюня, передъ вечеромъ, показалась вдали маньчжурская деревня Амба-Сахаланъ. По картѣ, здѣсь долженъ былъ находиться на лѣвомъ берегу Амура, т. е. противъ деревни, нашъ постъ; и въ самомъ дѣлѣ мы скоро замѣтили казаковъ, выстроившихся на площадѣ. У берега была сдѣлана небольшая пристань изъ

досокъ на возлахъ. Мы причалили и вышли на сушу. Пожилой казачій офицеръ, начальникъ поста, по обычаю, отрапортовалъ, что на «Устьзейскомъ Е. И. В-ва посту все обстоитъ благополучно», и, когда генераль-губернаторъ спросилъ его: «сколько у васъ умерло въ зиму людей?»—съ небольшимъ вздохомъ, но официально-холодно отвѣчалъ: «двадцать девять, ваше высокопревосходительство!» А у него и вся команда-то состояла изъ одной сотни!... Почтенный этотъ старецъ былъ сотникъ Травинъ, котораго потомъ мы всѣ научились уважать.

Поздоровавшись съ казаками и поблагодаривъ ихъ за трудную службу, Н. Н. Муравьевъ захотѣлъ посѣтить владбище, гдѣ были похоронены умершіе ихъ товарищи. Архимандритъ Аввакумъ былъ приглашенъ на этотъ разъ отслужить уже панихиду. И вотъ мы собрались, съ непокрытыми головами, въ одной небольшой пѣди или лощинкѣ, гдѣ стояло нѣсколько врестовъ, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здѣсь, на далекомъ востокѣ Азіи, всѣ мы, живые и мертвые, правые и лѣвые, красные и зеленые—члены одной великой русской семьи, что когда нибудь исторія вспомнитъ и о скромномъ кладбищѣ подъ уваломъ лѣваго берега Амура и о тѣхъ, кто въ виду его готовились... кто знаетъ? можетъ быть, тоже лечь въ могилу въ томъ же далекомъ отъ родины краѣ. Утѣшеніемъ могло быть одно, именно, что край этотъ отнынѣ можно уже было считать несомнѣнно русскимъ.

На другой день, оставивъ меня распорядиться нашимъ водвореніемъ на постѣ, генераль-губернаторъ отправился лично провожать посланника внѣзъ по Амуру. Скоро начали подплывать солдаты съ ихъ барками и плотами. На основаніи приказаній генераль-губернатора, я указалъ имъ мѣсто, гдѣ причаливать, а самъ занялся съемкою той обширной равнины, которая составляетъ стрѣлку при сліяніи Амура съ Зеею. Когда Н. Н-чъ вернулся съ проводовъ, простиравшихся до Айгуна (30 верстъ) и даже далѣе, то мы втроемъ, т. е. онъ, я и Хилковскій, пошли осматривать мѣстность, чтобы оцѣнить годность ея подъ поселеніе. Такъ какъ Хилковскій въ дѣлѣ оцѣнки угодьевъ считался авторитетомъ, то и признано было генераль-губернаторомъ, что лагерь, а въ будущемъ—и городъ, могутъ быть поставлены на равнинѣ. И хотя можно было опасаться, что она подвергается на-

водненіямъ при разливахъ, въ доказательство чего само собою приходило на умъ то обстоятельство, что китайцы оставили ее незаселенною, но какъ сотникъ Травинъ объявилъ, что въ этомъ году разливъ нигдѣ не распространялся на осматрѣнную мѣстность, то я получилъ приказаніе разбить для пѣхоты и артиллерійскаго дивизіона лагерь. Войска, остановленные-было мною противъ поста и командующихъ имъ уваловъ, сплыли версты на двѣ внизъ и приступили къ выгрузкѣ тяжестей и къ постройкѣ бараковъ, изъ двойной плетневой ограды съ промежуткомъ набитымъ землею.

Работа закипѣла. Немедленно, верстъ на десять вверхъ и внизъ по Амуру, былъ вырубленъ весь прибрежный тальникъ и началось изъ него сооруженіе плетней. Вѣтвямъ не давали даже увядать, и потому скоро замѣтили, что, по мѣрѣ того, какъ промежутки между плетнями наполняются землею, самые плетни начинаютъ проростать и давать большія вѣтви внутрь и внаружу бараковъ, что не обѣщало благоприятныхъ условій для здоровья солдатъ. Но какъ баталіонныя начальства, имѣвшія въ своемъ распоряженіи лекарей, не жаловались на это обстоятельство и, напротивъ, говорили, что это всегда такъ бываетъ, то бараки безпрепятственно строились и покрывались тоже плетнемъ и слоемъ земли, съ зеленымъ дерномъ сверху. Строился еще домъ для будущаго начальника отряда и всего края; но это былъ домъ изъ дерева, даже вполне сухаго, потому что зданіе перевезено было разобраннѣмъ изъ Бянкина, гдѣ уже служило жилищемъ бригадному командиру.

Лагерь возникалъ быстро и скоро принималъ опредѣленную форму. Въ немъ ежедневно игралась зоря и при этомъ дѣлался холостой выстрѣлъ изъ пушки. Какъ ни невинно было это послѣднее занятіе, но на китайцевъ оно наводило ужасъ. Жители деревни Амба-Сахалинъ разбѣгались при выстрѣлѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ насъ У-бошко или унтеръ-офицеръ китайской арміи, проживавшій почти безвыѣздно у насъ на посту, конечно—въ видѣ шпиона. Этотъ У-бошко былъ преоригинальная личность—философъ-наблюдатель, знавшій два языка, китайскій и маньчжурскій; онъ съ ученою важною дѣлалъ какія-то замѣтки на одномъ изъ нихъ, конечно, для представленія ихъ начальству, но въ гораздо большей дружбѣ жилъ онъ съ на-

шими людьми, чѣмъ съ своими. Причина понятна. Патриотическому соглядатаю отъ насъ перепала то плитка серебра рубля въ три, то серебряные часы рублей въ десять, то кусокъ синяго драдедаму на курму, то какой-нибудь другой подарочекъ. Все это онъ принималъ показывая на свою шею, на которую будто бы легко можетъ быть надѣта петля за дружбу съ нами; но все, особенно плитки, съ охотою пряталъ въ неизмѣримо глубокой и широкой карманъ. У него былъ небольшой, но хорошій компасъ, въ деревянной оправѣ, на которой имѣлись солнечные часы, устроенные какъ разъ для параллели 49° , подъ которою лежитъ Айгунъ. Когда я показывалъ ему свою буссоль, шмальвальдеровой системы, онъ хвалилъ ее отдѣлку, но находилъ, что мѣдь тутъ потрачена напрасно, что стрѣлка теряетъ часть чувствительности въ металлической оправѣ, что металлы ржавѣютъ и т. п. Откуда онъ почерпнулъ такіа обширныя познанія въ физикѣ, я не знаю; но онъ чувствовалъ свою силу и относился съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ нашимъ солдатамъ и казакамъ, которые хотя компасъ и видали, но цѣнить свойствъ его не могли. У-бошко у себя дома пилъ просяную водку или майгалу, которая прескверно пахнетъ; вотъ почему, когда мы познакомили его съ европейскими спиртовыми напитками, онъ сталъ откровенно предпочитать ихъ отечественному, хотя никогда не напивался пьянымъ. Иногда онъ начиналъ хвастать величіемъ Небесной имперіи; но видъ заряженнаго ружья съ примкнутымъ штыкомъ, стоявшаго въ козлахъ, обыкновенно скоро возвращалъ ему смиреніе, и онъ замѣчалъ, что по части машинъ и оружія мы въ союзѣ съ чертями. Однажды, помнится—дней черезъ 6—7 послѣ нашего пріѣзда, онъ возвѣстилъ, что айгунскій амбанъ имѣетъ въ виду прислать къ намъ на постъ посольство, въ составѣ трехъ офицеровъ и множества солдатъ, на джонкахъ, для принесенія генераль-губернатору поздравленія съ счастливымъ пріѣздомъ. Ему отвѣчали, что очень рады послать и потребовали ихъ списка для приготовленія каждому подарка по чину. Когда списокъ былъ доставленъ, Я. П. Шишмаревъ цѣлый день возился съ отмѣриваніемъ сувна, счетомъ плитокъ, раскладкою по коробочкамъ часовъ и т. п. Амбану былъ приготовленъ большой кубокъ или кружка, изъ золоченаго серебра, и изъ надписи на этомъ сосудѣ я съ удивленіемъ увидѣлъ,

что онъ когда-то принадлежалъ Августу II, королю польскому, и, быть можетъ, наполнялся имъ виномъ при интимныхъ совѣщаніяхъ съ Петромъ Великимъ. Подарки вѣдь присылались изъ Петербурга, отъ Кабинета, и весьма естественно, что какой-нибудь «старый хламъ» оказывался тамъ на столько ненужнымъ, что его назначали въ ссылкѣ на Амуръ или въ Монголію.

Въ назначенный день и часъ посольство прибыло. Мы приготовились встрѣтить его съ возможною торжественностью; но надобно замѣтить, что это, при нашей обстановкѣ, было нелегко. Н. Н. Муравьевъ жилъ въ палаткѣ шаговъ въ семь длиною и столько же шириною, да еще и изъ нея часть была отдѣлена занавѣскою, за которою стояла кровать. Приемная зала, стало быть, была необширна. Мы же съ Шишмаревымъ помѣщались въ такой низкой и темной землянкѣ, что только послѣ нѣкоторой практики я привыкъ въ ней разсматривать предметы и не получать синяковъ на головѣ отъ ударовъ о крышу и перекладины. Къ себѣ мы не могли бы принять съ нѣкоторымъ приличіемъ даже китайскаго прапорщика. И такъ, всѣ подлежащіе приему направились въ генераль-губернаторской палаткѣ. Въ ней прямо противу входа стоялъ у стѣны диванчикъ, обитый ситцемъ, длиною аршина въ два. На немъ возсѣдалъ одинъ генераль-губернаторъ. Налѣво отъ него, т. е. на мѣстахъ, по китайски, болѣе почетныхъ, были посажены я, Травинъ и Шишмаревъ, а три складные стула на правой сторонѣ были оставлены для китайцевъ. Когда они вошли, генераль-губернаторъ приподнялся, дружески привѣтствовалъ ихъ и усадилъ по чинамъ. *Esprit-fort* посольства, былъ очевидно, маіоръ; но какъ онъ былъ малъ по чину, то впереди его былъ выставленъ амбанемъ гусайда, т. е. полковникъ, отличавшійся утрюмою молчаливостью. Почтенные послы поспѣшили высказать чувства самой теплой дружбы и уваженія отъ амбана въ генераль-губернатору и при этомъ объяснили, что амбанъ, желая засвидѣтельствовать ихъ вещьественно, просить сдѣлать ему честь не отказать въ принятіи нѣкоторыхъ подарковъ. «Подарки эти, — прибавляли послы, — не богаты; но это лишь потому, что самъ амбанъ надавно въ должности и не успѣлъ разжиться». Къ этому спичу поясненіемъ явилась довольно крупная черная свинья, которую два бошею немедленно внесли въ палатку и положили передъ генераль-губернаторомъ.

Свинья была съ связанными ногами, между которыми былъ продернуть шесть, на которомъ ее внесли; легкой намордникъ мѣшалъ ей громко визжать, но она всетаки издавала глухіе стоны, естественныя въ ея положеніи. Хотя никто изъ насъ не былъ предупрежденъ о такомъ удивительномъ подаркѣ, но ни одинъ не позволилъ себѣ улыбнуться. За свиньею послѣдовали ящики съ конфетами изъ маковыхъ выжимокъ на расторовомъ маслѣ и мѣшокъ рису.—Это уже отъ самихъ пословъ ¹⁾. Послѣ этой части аудіенціи началось угощеніе съ нашей стороны. Передъ генераль-губернаторомъ на столѣхъ были поставлены подносы съ винными ягодами, миндальными орѣхами, изюмомъ и т. п., да бутылка краснаго вина. Китайцы и мы угощались съ полнымъ уваженіемъ къ величію обѣихъ дружественныхъ державъ, т. е. на правахъ совершеннаго равенства. Но вдругъ, плохо цивилизованный гусайда досталъ висеть, набилъ трубку и пожелалъ ее закурить. Это уже выходило изъ этикета, и генераль-губернаторъ приказалъ немедленно подать трубки не только себѣ, но и намъ всѣмъ. Нужно замѣтить, что я и Травинъ не курили совсѣмъ; но тутъ принесли жертву на алтарь отечества, для поддержанія къ нему должнаго уваженія въ надменныхъ сынахъ Срединнаго царства.

Когда аудіенція кончилась, началось надѣленіе всего посольства подарками отъ имени генераль-губернатора. Гусайда и майоръ получили золотыя часы, прапорщикъ-секретарь—серебряныя; всѣ еще по нѣсколько аршинъ сукна на курмы; унтеръ-офицерамъ тоже давались сукна или плись и по двѣ плитки серебра, солдатамъ—по одной плиткѣ. Плутъ У-бошко и тутъ успѣлъ примазаться для полученія подарка, хотя онъ не принадлежалъ къ составу посольства. Китайцы отвалили отъ берега на своихъ джонкахъ совершенно довольные; мы тоже были очень довольны, потому что во все время аудіенціи послы и не заикнулись о томъ, что мы распоряжаемся на ихъ землѣ. Ясно было, что китайцы рѣшились не противиться водворенію нашему на

¹⁾ Принесеніе въ даръ свиньи и рису можно было, кажется, приписывать совѣтамъ У-бошко, который, шаясь къ намъ, давно замѣтилъ скромность нашихъ продовольственныхъ запасовъ. Впрочемъ, черная свинья, по китайски, есть дѣйствительно подарокъ почетный. М. В.

Амурѣ, а намъ больше ничего не было нужно отъ нихъ. Ясно было также, что цзянь-цзюнь Мур-фу-фу (генер-губ. Муравьевъ) внушаетъ имъ величайшій страхъ, а слѣдовательно, и уваженіе. Они даже явились передъ нами въ роли просителей, именно передали ходоатайство амбана запретить маіору въ лагерѣ стрѣлять вечеромъ изъ пушки, чтобы не пугать народъ. «Лучше бы даже было вовсе задвинуть ваши пушки въ сарай, — поясняли послы, — вѣдь вотъ у насъ въ Айгунѣ есть тридцать орудій, однако мы не показываемъ ихъ вамъ, чтобы не пугать васъ напрасно». Нужны были весь навыкъ Николая Николаевича обращаться съ китайцами и все сознание нами торжественности момента, чтобы не хохотать отъ души.

Но если со стороны Китая дѣла наши шли хорошо, то со стороны Забайкалья извѣстія были неутѣшительны или, лучше сказать, не было никакихъ извѣстій. Ни о колонистахъ, ни о грузовой флотиліи Ушакова—ни слуху, ни духу, что очень безпожило Н. Н-ча. Наконецъ, прибылъ адъютантъ его, Гвоздевъ, курьеромъ съ бумагами; онъ привезъ свѣдѣнія, что транспортъ Ушакова идетъ, но что плаваніе его совершается очень медленно, потому что барки построены нераціонально, слишкомъ громоздки, тяжелы, глубоко сидятъ, неповоротливы; ихъ часто наносятъ на отмели, и сниманіе съ таковыхъ отнимаетъ много времени; иногда при этомъ нужно бываетъ ихъ разгружать. Это было явленіемъ страннымъ, потому что опытъ трехъ предыдущихъ навигацій достаточно показалъ, какія суда пригоднѣе всего для Амура. Конечно, слишкомъ мелкихъ строить было нельзя, потому что въ низовьяхъ рѣки бываютъ такія бури, какъ на морѣ, и мелкія лодки подвергаются опасности быть залитыми водою прежде, чѣмъ достигнуть берега; но и излишне-громоздкія барки составляютъ затрудненіе, особенно когда на нихъ мало рабочихъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ. Возникъ вопросъ, кто строилъ барки? и оказалось, что корабельный инженеръ, капитанъ Б., который вскорѣ и подвернулся подъ руку, такъ какъ изящная его лодка, съ домикомъ и другими удобствами, прибыла одною изъ первыхъ. Капитану, человѣку очень набожному и потому иногда проводившему за молитвами время, которое могло бы быть употреблено на наблюденіе за постройками судовъ, сдѣланъ былъ нагоняй; онъ возражалъ, оправдываясь, настойчиво

увѣрялъ, что строилъ барки такъ, какъ предписывала ему наука кораблестроенія, какъ онъ, специалистъ, знаетъ и понимаетъ... Ему замѣтили, что «мало ли какъ ограниченныя головы могутъ понимать; что, берясь за дѣло, имъ практически незнакомое, онѣ должны спрашивать совѣта у другихъ, людей опытныхъ», и т. п. Говоря откровенно, сцена этого распеканія, съ упоминаніемъ глупыхъ головъ, произвела на меня очень непріятное впечатлѣніе, но нужно сказать и то, что никто такъ много не помѣшалъ успѣшности сплава 1857 года, какъ капитанъ Б. Ему было все равно, какъ и когда дойдутъ въ Николаевскъ построенныя имъ барки; а между тѣмъ несчастные рабочіе на этихъ баркахъ, измученные во время сплава, должны были еще возвращаться вверхъ по Амуру въ самое непріятное время года, позднюю осень, и съ ними могла повториться исторія прошлаго года, хотя теперь число постовъ по Амуру и было значительно больше.

Вскорѣ за капитаномъ Б. явился на Усть-Зею другой виновникъ медленности отправленія амурскихъ грузовъ, титулярный совѣтникъ Ж., одинъ изъ тѣхъ трехъ интендантовъ, которые уже подверглись эзекуціи въ Шилкинскомъ заводѣ. Онъ тоже плылъ на прекрасномъ баркасѣ, съ удобствами, превышавшими комфортъ ватероу генераль-губернаторскаго и посланническаго. Ему, сколько помнится, дано было рекомендательное письмо къ адмиралу Казакевичу такого рода, что служба въ Николаевскѣ сдѣлалась для него невозможною...

Навонецъ, явился и самъ начальникъ сплава, почтенный А. М. Ушаковъ, усталый, почти разбитый нравственно, потому что онъ хорошо понималъ, какія вредныя послѣдствія можетъ имѣть запозданіе его экспедиціи, и зналъ, какъ близко принимаетъ въ сердцу успѣхъ порученнаго ему дѣла генераль-губернаторъ. Н. Н-чъ долго и не разъ бесѣдовалъ съ нимъ, ходя по берегу рѣки и глядя на проплывавшія суда. Въ добросовѣстномъ усердіи Ушакова сомнѣваться было нельзя; достаточно было взглянуть на этого человѣка, чтобъ видѣть, что онъ въ порученное ему дѣло вложилъ всю душу; но Н. Н-чъ, отпустивъ его, всетаки винилъ себя, что сдѣлалъ выборъ неудачный, не по характеру лица.

Почти одновременно съ начальникомъ сплава прибыла на Усть-Зею и самая курьезная часть его экспедиціи — баржа съ 60-ю ссыльно-каторжными женщинами, которыя отправлялись въ

Маринскъ и Николаевскъ для поступления въ тамошніе линейные баталіоны... прачками и кухарками. Строгий блюститель дѣломудрія, Ушаковъ поставилъ эту баржу на якорѣ, по срединѣ рѣки, и приказалъ отвязать лодки, помощью которыхъ интересный грузъ могъ бы сообщаться съ берегомъ. Но генералъ-губернаторъ смиловался надъ судьбою заключенныхъ въ этомъ пловучемъ острогѣ, и обитательницы его имѣли возможность выйти на берегъ и посѣтить не только постъ, но и лагерь, конечно, къ немалому удовольствію казаковъ и солдатъ, которыхъ нравы начинали уже грубѣть отъ отсутствія дамскаго общества. Я слышалъ потомъ, что и на постоянныхъ ихъ квартирахъ, въ базармахъ 15-го и 16-го баталіоновъ, онѣ производили то же благодѣтельное вліяніе и, подъ именемъ «тетенекъ», приобрѣли общую привязанность солдатъ, для которыхъ стирпали и стирали бѣлье.

Такъ какъ и Ушаковъ не привезъ никакихъ извѣстій о движеніи колонистовъ, а между тѣмъ уже начинался іюль, то, чтобы ускорить постройку домовъ во вновь предположенныхъ селеніяхъ выше и ниже Усть-Зей, рѣшено было немедленно отправить туда солдатъ съ рабочими инструментами. Люди 13-го баталіона, назначавшіеся къ возвращенію на зиму въ Шилкинскій заводъ, потянулись вверхъ по Амуру; часть 14-го баталіона — внизъ, на Бурею и къ Хингану. Съ послѣдними генералъ-губернаторъ приказалъ отправиться и Хилковскому, которому было написано, что «успѣшный ходъ колонизаціи возлагается на его опытность, благоразуміе и отвѣтственность». Этого послѣдняго Хилковскій не ожидалъ, потому что, не получая прямого назначенія въ начальники вновь возникающей казачьей линіи, онъ полагалъ, что роль его — выбрать мѣсто подъ селенія, указать ихъ колонистамъ-казакамъ, и самому вернуться въ Цурукайтгу. Соответственно этому онъ и не увеличивалъ своего дорожнаго скарба, слишкомъ легкаго, чтобы съ нимъ проводить на Амуръ не только зиму, но и осень. Съ отплытіемъ бѣльшей половины солдатъ, лагерь и постъ нашъ какъ бы опустѣли; жизнь становилась скучноватою, а для Н. Н. Муравьева просто мучительною, какъ по недостатку для него привычной дѣятельности, такъ и потому, что важнѣйшая задача его трудовъ нынѣшнимъ лѣтомъ —

успѣшное водвореніе колонистовъ—рѣшалась очень неудовлетворительно.

Среди этого тоскливаго положенія прибылъ изъ Иркутска второй курьеръ, Беклемишевъ. Онъ привезъ опредѣлительное извѣстіе, что колонисты идутъ, что въ нѣкоторыхъ верховыхъ станицахъ воздвигаются уже постройки; но что движеніе сплава потому медленно, что нужно останавливаться рано на ночлеги, чтобы выкормить скотъ, накосить для него травы на день и т. п. Всѣ подобныя обстоятельства, очевидно, можно было предвидѣть и принять противъ нихъ мѣры, напримѣръ, отдѣлить скотъ въ особый эшелонъ или отправить впередъ однихъ рабочихъ для скорѣйшаго возведенія зданій, а, главное, нужно было раньше выѣхать въ путь всѣмъ вообще. Припоминая увѣренія Хилковского, дѣланныя еще въ Усть-Стрѣльѣ и ранѣе, что все устроено наилучшимъ образомъ, генераль-губернаторъ начиналъ все болѣе и болѣе негодовать на него.

Беклемишевъ, между другими бумагами, привезъ одну любопытную, изъ Петербурга. Она касалась желѣзной дороги въ Забайкальѣ. Нужно замѣтить, что уже со втораго года нашего появленія на Амурѣ появились тамъ и американцы, которые смотрятъ на Тихій океанъ какъ на Средиземное море будущаго, а на впадающія въ него рѣки какъ на законныя пути ихъ торговли. Они составили проектъ соединить желѣзною дорогою Амуръ съ Байкаломъ и такимъ образомъ экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь въ Тихому океану. Мысль великая, и которая рано или поздно осуществится; но янки мѣряли вещи слишкомъ американскимъ аршиномъ, полагая, что Амуръ, этотъ «азиатскій Миссисипи», такъ же быстро созрѣетъ въ экономическомъ отношеніи, какъ и большая американская рѣка съ ея долиною. Въ Петербургѣ, вѣроятно, предвидѣли, что у насъ дѣла такъ скоро не дѣлаются, какъ гдѣ-нибудь въ Калифорніи, и приготовили янкамъ отказъ. Мотивами къ нему были выставлены разныя элементарныя свѣдѣнія изъ географіи, напримѣръ, что Восточная Сибирь слабо населена, а берега Амура не заселены и вообще, что въ Забайкальѣ есть Яблоновый хребетъ, черезъ который дорога должна переходить, и т. п. Кромѣ того, прибавлялось, что американцы могутъ надуть насъ: распродать свои акціи въ Россіи и съ вырученными деньгами уѣхать домой, оставивъ насъ

не при чемъ. Я ужъ не помню другихъ доводовъ; но они были всѣ въ томъ же родѣ, такъ что, если бы внимать подобнымъ, то никогда не были бы сооружены ни суэзскій каналъ, ни тихоокеанская желѣзная дорога. За то занову здѣсь, какъ историческій фактъ, слѣдующій любопытный отзывъ управлявшаго дѣлами сибирскаго комитета, статсъ-секретаря В. П. Буткова, данный имъ Беклемишеву при врученіи конверта: «Все это, что написала Чевкинъ — вздоръ; а сущность въ томъ, что намъ нельзя пустить американцевъ на Амуръ и въ Забайкалье. Они разовьютъ тамъ свои порядки, и Сибирь отвалится. Вы такъ и скажите объ этомъ Николаю Николаевичу».

Беклемишевъ и сказалъ.

Въ числѣ другихъ бумагъ, имъ привезенныхъ, были еще два письма изъ Кяхты. Однимъ, мѣстный купеческій старшина, столь извѣстный потомъ Петербургу, И. А. Носковъ, просилъ объ извѣщеніи, каковы вообще наши отношенія къ Китаю, не доходятъ-ли до войны, такъ какъ отъ этихъ отношеній будетъ зависеть цѣна вымѣненнаго уже, т. е. русскаго, чая на предстоявшей нижегородской ярмаркѣ. Въ другомъ письмѣ мѣстный кяхтинскій литераторъ и либераль на нѣсколькихъ почтовыхъ листахъ изображалъ печальное состояніе тогдашняго Китая, которое онъ наблюдалъ черезъ пограничную заставу въ Маймаченѣ. «Передъ нашими глазами, — писалъ онъ, — разыгрывается послѣдній, замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнетъ цѣлый міръ, и изъ-за видимыхъ развалинъ послѣдняго трудно разсмотрѣть будущее». Я тотчасъ узналъ по этой фразѣ о близкомъ знакомствѣ автора съ «Письмами объ изученіи природы» Искандера, и именно съ четвертымъ, въ которомъ рѣчь идетъ о паденіи Рима, но промолчалъ. Носкову было отвѣчено, что все спокойно, что отношенія наши съ Китаемъ самыя дружественныя; литераторъ, кажется, не получилъ никакого отвѣта на свои высprenія соображенія, и мы только невинно посмѣялись надъ нимъ.

За Беклемишевымъ вскорѣ прибылъ третій курьеръ, сотникъ или есаулъ К., бывшій инженерный офицеръ, скромный какъ «красная дѣвушка». Онъ привезъ, между другими предметами, планъ предполагаемой Устьзейской станицы, очень изящно начерченный. Тутъ было все: и церковь, и больница, и дома разныхъ властей, и разныя канцеляріи, была даже, кажется, школа

(за это, впрочемъ, не ручаюсь); но проектъ, совершенно годный для сооружеія города на Семеновскомъ плацу или вообще гдѣ угодно, не подходилъ именно къ равнинѣ, на которой предполагалось его осуществить. Рѣки Зея и Амуръ дали почвѣ этой равнины совсѣмъ не то очертаніе горизонтальное и вертикальное, какое требовалось по проекту. И вотъ, чертежомъ полюбовались и свернули его, а первая, и до времени единственная, улица въ новой колоніи потянулась, даже не совсѣмъ по прямой линіи, вдоль гребня небольшой высоты, которую можно было почти съ увѣренностью считать незаливаемою весенними полноводіями, потому что на ней росли крупныя березовыя деревья. На высотѣ этой, еще до прибытія колонистовъ, основано было 18—20 домовъ по проекту капитана Дьяченко, который прежде служилъ въ южно-русскихъ военныхъ поселеніяхъ и былъ знакомъ съ возведеніемъ скороспѣлыхъ зданій. Мазанки эти, очень удобныя въ сухомъ климатѣ южной Россіи, оказались однако же слишкомъ прохладными въ суровой странѣ устьевъ Зеи. Предлагая ихъ, какъ легчайшія для исполненія, Дьяченко какъ бы забылъ, что еще 6-го іюня Зея была въ весеннемъ разливѣ и что лѣто и осень на Амурѣ дождливы, а зима отличается морозами и большими снѣгами. Мнѣ лѣтомъ пришлось видѣть эти дома послѣ зимовки въ нихъ населенія: наружный слой глины, которымъ былъ обмазанъ плетень, мѣстами обвалился совсѣмъ, и это, къ вѣщшему неудобству жителей, случилось именно зимою.

М. И. Венжковъ.

Женева, сентябрь 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).